

2016

Александр Павлович

Одноактная пьеса

Елена Иоос

Действующие лица

АЛЕКСАНДР I – Император Всея Руси: умён, благороден, мучается совестью

ТАЛЕЙРАН – остроумный, изворотливый, хромой старик с большим чувством собственного достоинства. (Бывший министр иностранных дел при Директории и Наполеоне, премьер-министр и посол в Лондоне при реставрированных им Бурбонах.)

Второстепенные персонажи

ПАВЕЛ I – отец Александра, простивший своего сына

А также ранее умершие члены семьи Александра.

1

Александр I ходит по сцене в полумраке, как будто ожидая кого-то. Входит престарелый хромой Талейран с костылём и в шляпе, озирается. Заметив Александра, бросается к нему.

ТАЛЕЙРАН. Слава Богу, хоть одна живая душа!.. Месье! Приветствую Вас! Будьте любезны... Блуждаю в потёмках уже невесть сколько времени, подскажите старику, в какую сторону выход?

АЛЕКСАНДР. *(поворачивается, учтиво кивает)* В любую.

ТАЛЕЙРАН. Ва-ваше Императорское Величество? Как? Вас же... Вы же... давно уже...

АЛЕКСАНДР. А Вы только что, поздравляю.

ТАЛЕЙРАН. Какая приятная встреча! *(кланяется в три темпа, сняв шляпу)*

АЛЕКСАНДР. Я тоже весьма рад.

ТАЛЕЙРАН. Признаюсь, не ожидал встретить Вас здесь.

АЛЕКСАНДР. А я, напротив, с нетерпением Вас поджидаю.

ТАЛЕЙРАН. Это большая честь для меня. Чем обязан, Ваше Величество?

АЛЕКСАНДР. Ах, полно нам церемониться, давайте по-простому, князь, без титулов. Здесь все равны. Liberté, Égalité, Fraternité, так сказать. Александр Павлович, просто Александр Павлович.

ТАЛЕЙРАН. *(Осторожно протягивает руку)* Шарль-Морис, просто Шарль-Морис.

АЛЕКСАНДР. *(Прячет руки за спину)* Нет, знаете, это как-то неловко. Лучше – месье или господин Талейран.

ТАЛЕЙРАН. Талейран. С Вашего позволения... *(Надевает шляпу)* Чем же всё-таки обязан, Александр Павлович?

АЛЕКСАНДР. Видите ли, меня мучает один вопрос... до такой степени, что даже после смерти мне покоя нет. *(Задумывается)* Простите... мне нужно немного времени, чтобы собраться с духом. Расскажите пока что-нибудь интересное.

ТАЛЕЙРАН. К Вашим услугам. Мне последнее время сны стали сниться. Вижу себя мальчиком на лужайке в парке замка Перигор. Наверху, на лестнице, стоит бабушка: ручки свои сухие сложила лодочкой и смотрит на меня так умильно! Солнце льётся по ступенькам... От жары даже птички умолкли ... Я взбегаю к ней, прижимаюсь, а она улыбается и гладит меня по голове ласково-ласково... И люблю я её захлёб! Думаю - хоть бы не просыпаться.

АЛЕКСАНДР. Удивительно. Раньше за Вами сентиментальности не водилось. Князь, это точно Вы?

ТАЛЕЙРАН. Совершенно точно. Князь Талейран-Перигор, герцог Беневентский. Не похож?

АЛЕКСАНДР. Время, знаете ли, никого не щадит.

ТАЛЕЙРАН. Хорошо что Вы умерли молодым и красивым.

АЛЕКСАНДР. Хм. Сорок семь лет это, по-Вашему, молодость?

ТАЛЕЙРАН. В мои восемьдесят четыре я мог бы быть Вашим дедушкой.

АЛЕКСАНДР. А Вы каким умерли, господин Талейран?

ТАЛЕЙРАН. А я старым, больным, но умиротворённым. Знаете что пишут о моей кончине? «Талейран умер. Любопытно, зачем это ему теперь понадобилось.» А? Каково!

АЛЕКСАНДР. Остроумно. И зачем же?

ТАЛЕЙРАН. Вот и Вы мне не верите. А я умер совершенно искренне, без всякой задней мысли.

Александр сверлит Талейрана недоверчивым взглядом.

ТАЛЕЙРАН. Послушайте, я такой же человек как и Вы.

АЛЕКСАНДР. Пожалуй... *(Пауза)* Я готов задать свой вопрос.

ТАЛЕЙРАН. Прошу Вас, Александр Павлович, я весь внимание.

АЛЕКСАНДР. Господин Талейран, Вы помните наши переговоры в Эрфурте? Вы тайно являлись ко мне и убеждали дать отпор Вашему императору.

ТАЛЕЙРАН. Прекрасно помню.

АЛЕКСАНДР. Вы настаивали, чтобы я не подписывал конвенцию в том виде, как её предложил Наполеон. Я, в общем-то и не собирался, но... ах, неважно. Хм. Вы вели игру против него. Вы с честными глазами предавали своего императора. Признаюсь, я был поражён.

ТАЛЕЙРАН. Да, Ваше Вел... Александр Павлович, так и было.

АЛЕКСАНДР. Скажите, зачем Вы изменили человеку, доверявшему Вам?

ТАЛЕЙРАН. Вот именно, человеку. Но не Франции.

АЛЕКСАНДР. Полноте, князь. Вся Европа лежала у его ног, Россия подписала невыгодный договор, Англия была ограничена в торговле. Это открывало Франции великие перспективы.

ТАЛЕЙРАН. Эти великие перспективы обходились французам слишком дорого.

АЛЕКСАНДР. Простите, друг мой, но я не верю в Ваш патриотизм. Да и сумма денежного вознаграждения, которое Вы от нас получили, не позволяет мне думать о Вас иначе, как о ...

ТАЛЕЙРАН. *(прерывает)* Вы презираете меня?

АЛЕКСАНДР. Должен был бы. Но... нет, я не это имел в виду...

ТАЛЕЙРАН. *(язвительно)* Уж не потому ли, что Ваше Императорское Величество истинный христианин? Ближнего любите?

АЛЕКСАНДР. Вы забываетесь, князь!

ТАЛЕЙРАН. Что Вы от меня хотите, наконец? Чтобы я Вам честно признался почему, продавая всех и вся, как мне инкриминируют, я не сделал исключения для великого человека Наполеона Бонапарта, единственного, прошу прощения, которым я действительно восхищался и которого, может быть, даже любил?

АЛЕКСАНДР. Почти. Я хочу понять истинный мотив Вашего предательства.

ТАЛЕЙРАН. Одна-ако! ...Ах да, Вы же русский, вам обязательно истина нужна... А зачем? Чтоб больнее мучиться? Вас, русских, хлебом не корми, дай только на Голгофу

влезть. Вы всё время как будто ЕГО крест на себя примеряете... Но Вам-то это зачем, Александр Павлович? В вас же русской крови и на каплю не наберётся?

АЛЕКСАНДР. На что Вы намекаете?

ТАЛЕЙРАН. На то, что у Вас русского только имя и фамилия.

АЛЕКСАНДР. Ещё Вера есть. И совесть.

ТАЛЕЙРАН: Это что за зверь такой? Тот что моется всё время и истиной кормится?

Простите что я Вас поучаю, Александр Павлович, но лучше поздно, чем никогда.

Послушайте старика: на чистую совесть удобно ссылаться, но иметь её вовсе не обязательно.

АЛЕКСАНДР. (*горько усмехается*) Вы новенький, ещё не освоились на новом месте.

Простите что я Вас поучаю, но ЗДЕСЬ сослаться можно только на то, что имеешь.

ТАЛЕЙРАН. Ах да, да, другие обстоятельства, другие правила... я это не учёл...

Хорошо, я Вам откроюсь. Но при одном условии – Вы тоже удовлетворите моё любопытство.

АЛЕКСАНДР. Узнаю Талеярана - когда торговать нечем, торгуете условиями.

ТАЛЕЙРАН. И всегда остаюсь в выигрыше, заметьте!

АЛЕКСАНДР. Мне страшно делается от Вашей самоуверенности. Прошу Вас, оставьте.

ТАЛЕЙРАН. О-о, на этот раз мой интерес почти бескорыстен: Ваш ответ хотели бы знать все, а буду знать один я! Хе-Хе!

АЛЕКСАНДР. И что Вам с того? Никуда Вы своё знание употребить уже не сможете – ни к добру, ни к худу.

ТАЛЕЙРАН. Что это Вы обо мне как о нечистой силе говорите... «ни к добру, ни к худу». Я тоже человек принципов! Даже если они и не всем понятны.

АЛЕКСАНДР. (*саркастически смеётся*) Простите, ради Бога...

ТАЛЕЙРАН. (*обиженно*) Вы требуете от меня откровенности? С какой стати? Говорить правду не в компетенции дипломата.

АЛЕКСАНДР. Вы уже не дипломат, зачем скрываться?

ТАЛЕЙРАН. А Вам зачем? Ответьте мне, я отвечу Вам.

АЛЕКСАНДР. (*после долгого молчания*) Есть только один вопрос, который я не хотел бы услышать. Даже здесь, даже сейчас...

ТАЛЕЙРАН. Может я не угадаю и спрошу совсем о другом.

АЛЕКСАНДР. Вы-то? Вы же Талеяран. Ваша ясность ума беспощадна.

ТАЛЕЙРАН. Но Вы, Александр Павлович, всегда были для меня загадкой. Я никогда не мог понять о чём Вы думаете - у Вас лицо сфинкса. Даже здесь, даже сейчас.

АЛЕКСАНДР. Послушайте, господин Талеяран, разве нельзя по-человечески ответить? Обязательно нужно чтобы я душу перед Вами выворачивал?

ТАЛЕЙРАН. О, прошу Вас, душу не надо. Не усложняйте. Мой вопрос – Ваш ответ и наоборот. Взаимовыгодная сделка. Неужели Вы ждали меня напрасно?

АЛЕКСАНДР. Да какая Вам польза от моей правды?

ТАЛЕЙРАН. Собственно, никакой, но осведомлённость лишней не бывает. Так, на всякий непредвиденный случай.

АЛЕКСАНДР. Надеетесь воскреснуть?

ТАЛЕЙРАН. Что Вы! Я нажился досыта.

АЛЕКСАНДР. Ах, я, кажется, догадываюсь – это один из Ваших принципов: ничего не делать бескорыстно.

ТАЛЕЙРАН. И это тоже.

АЛЕКСАНДР. Вы не оставляете мне выбора.

ТАЛЕЙРАН. Я же Талеяран, мне можно.

АЛЕКСАНДР. Вы так беззастенчиво торгуетесь, как будто за Вашим ответом скрывает-

ся некая ужасная тайна. Может Вы просто цену набиваете, а ответ и выеденного яйца не стоит?

ТАЛЕЙРАН. Александр Павлович, Вас интересует моё предательство? Это щекотливая тема и уж точно дороже выеденного яйца. Или Вы думаете, что душу оголять только Вам одному неприятно?

АЛЕКСАНДР. Что ж... откровенность за откровенность. Согласен! ...Но при одном условии.

ТАЛЕЙРАН. Вот уже и Вы торгуетесь. Что за условие?

АЛЕКСАНДР. Вы первый отвечаете. Всё-таки я долго ждал.

ТАЛЕЙРАН. Жизненный опыт научил меня не доверять людям, но Вы, быть может, единственный человек, в чьём благородстве я уверен как в себе самом.

АЛЕКСАНДР. Благодарю Вас. Начнём?

ТАЛЕЙРАН. К Вашим услугам.

2

Александр делает жест рукой, и появляется удобная кушетка.

ТАЛЕЙРАН. Это Вы сотворили? Здесь все так могут? Надеюсь, это не скамья подсудимых?

АЛЕКСАНДР. Нет, что Вы. Это просто для Вашего удобства. Присядьте, вам же трудно стоять. Хотя все недуги здесь условны.

Талейран повторяет движения рук Александра, и появляются кафедра прокурора, кресло судьи.

ТАЛЕЙРАН. О-ля-ля! Какие возможности! Неожиданный сюрприз. *(присаживается)* Благодарю. Меня часто обвиняли, но чтоб судить - никогда. Даже интересно.

АЛЕКСАНДР. Таких как Вы судит история.

ТАЛЕЙРАН. Ах, бросьте, это просто фигура речи, хотя и приятная. Как история может судить? Судят люди.

АЛЕКСАНДР. Судит Бог.

ТАЛЕЙРАН. Неужели.

АЛЕКСАНДР. Вы же сами придумали этот антураж, кафедра прокурора, кресло судьи... Мне это не нужно. *(Поводит рукой и мебель исчезает)*

ТАЛЕЙРАН. Хотите сказать, что это нужно мне?

АЛЕКСАНДР. Не знаю. Может быть.... Вы готовы отвечать?

ТАЛЕЙРАН. Я своё слово держу.

АЛЕКСАНДР. Почему Вы предали Вашего императора?

ТАЛЕЙРАН. Почему, почему...

АЛЕКСАНДР. Власти у Вас было вдоволь, денег тоже, место его занять Вы не хотели...

ТАЛЕЙРАН. Боже упаси.

АЛЕКСАНДР. Кажется я догадываюсь – Вы не могли простить гению его гениальность?

ТАЛЕЙРАН. Опять мимо. Не прощать гению гениальность – удел завистливой посредственности.

АЛЕКСАНДР. Вы правы.

ТАЛЕЙРАН. А я – НЕ посредственность. Понимаете? Более того, я сам – гений!

Франции повезло с нами дважды – один не знал границ возможного и достиг невозможного, другой знал как из невозможного сделать возможное. Он кроил, а я шил

новую Европу. К тому же за это хорошо платили. Мы прекрасно ладили. Ах, какое это было время! Какое время! Тандем великих!

АЛЕКСАНДР. Я бы желал этого для будущей России.

ТАЛЕЙРАН. Что, великий тандем?

АЛЕКСАНДР. Нет, такое вряд ли повторится. Но, я бы хотел, чтобы у будущих поколений нашлись силы и мужество из невозможного сделать возможное.

ТАЛЕЙРАН. Александр Павлович, как там у вас, у русских: «не буди лихо пока оно тихо»? Хе-хе...

АЛЕКСАНДР. (*задумчиво*) Да... лучше не будить.

ТАЛЕЙРАН. Пусть спит себе.

АЛЕКСАНДР. Господин Талейран, мы отвлеклись. Два равных гения, всё прекрасно и вдруг...

ТАЛЕЙРАН. Не вдруг. Мы разошлись концептуально. Начали дрейф в противоположных направлениях. Он хотел объединить Европу под эгидой великой Франции и привлечь Россию к совместной борьбе против Англии. Я же был сторонником союза с англичанами.

АЛЕКСАНДР. Да, да, меня всегда удивляла Ваша любовь к Англии, граничащая с государственной изменой.

ТАЛЕЙРАН. Далась Вам эта измена... пардон. Так вот. (*Постепенно увлекается*)

Англичанам удалось выстроить такую финансовую систему, которая сама себя наращивает, такая своеобразная пирамида. Беспроигрышный вариант на столетия вперёд! Залог стабильности и процветания! Правительство берёт кредиты везде где дают и продаёт эти деньги частями своим гражданам под более высокий процент. Те строят национальную промышленность, дороги, развивают сельское хозяйство, платят налоги, наполняют казну. Денег столько, что можно купить всю Францию с потрохами.

АЛЕКСАНДР. Но кредиты же нужно возвращать?

ТАЛЕЙРАН. Возвращайте себе на здоровье и берите для этого новые. Потом ещё, и ещё, и ещё... Вы уже столько должны, что Вашим кредиторам придётся держать Вас на плаву любой ценой. Сами будут тонуть, а Вас спасут. Ваши долги затягиваются как удавка на ИХ шее. И чем больше Вы должны, тем больше они дадут. Есть деньги – есть торговля. Колесо запущено. Главное чтоб не останавливалось. А для этого нужно – внимание - всегда полностью и в срок погашать проценты. Только и всего. Просто, как всё гениальное!

АЛЕКСАНДР. А если кто-то засунет в это колесо палку?

ТАЛЕЙРАН. Вот поэтому я и был против союза с Россией. У вас всегда палка наготове. Тогда катастрофа. Но. Есть способ – надо силой заставить всех крутить это колесо и отобрать палки. Нужно объединить Европу, перенять систему финансов Англии и богатеть мирным путём. Но на беду, Наполеон сам любил палкой помахать. Он был конечно, великий человек, но ограниченный. Поэтому я его покинул.

АЛЕКСАНДР. Значит дело всё-таки в деньгах? Куда Вам столько?

ТАЛЕЙРАН. Вы не поняли. Моих денег мне хватило бы на три жизни вперёд. Не в этом же дело! Англия создала новую, прекрасно работающую финансовую схему. Кто раньше в неё включится, тот больше выиграет, понимаете? Она работает на них, но может работать и на нас, главное, вовремя влиться. Последние остаются в дураках. Франция уже и так потеряла много времени пока нянчилась со своими королями. Предал я или не предал Бонапарта – мне это безразлично. Вовремя предать - это предвидеть. Выстраивать отношения с Англией – в этом была моя цель. Я служил благополучию Франции и в отдалённой перспективе всей Европы. А ОН – своему гению. Вот и вся разница между нами.

АЛЕКСАНДР. Значит, вы не предавали Бонапарта?

ТАЛЕЙРАН. Нет. Я его покинул когда посчитал нужным, по идейным соображениям. Кстати, с вами я встречался как частное лицо.

АЛЕКСАНДР. Да-да, я улавливаю разницу... Теперь я лучше понимаю Ваш принцип. Цель оправдывает средства?

ТАЛЕЙРАН. Всегда оправдывает. Наполеон тоже в этом не сомневался.

АЛЕКСАНДР. Наверное, гениям это дозволено.

ТАЛЕЙРАН. И кесарям тоже. Перестаньте мучиться.

АЛЕКСАНДР. По-Вашему, ради великой цели и убить можно?

ТАЛЕЙРАН. Можно. Великому человеку можно.

АЛЕКСАНДР. А не великому?

ТАЛЕЙРАН. У невеликого не бывает великих целей. Их заменяет великое тщеславие.

АЛЕКСАНДР. Как же разобраться, как отличить одно от другого?

ТАЛЕЙРАН. Не знаю. Это всегда со временем выясняется. К сожалению. Хотя, каждый, наверное, понимает, ради чего на самом деле старается. Если только не врать самому себе.

АЛЕКСАНДР. А Вы себе ввали?

ТАЛЕЙРАН. Разумеется! А потом честно обманывал других. Шутка. Зачем мне себе врать? Вы же сами сказали, что мой ум беспощаден.

АЛЕКСАНДР. Как же Вам было, должно быть, тяжело...

ТАЛЕЙРАН. Отчего же. Если делать только то, что необходимо для достижения цели – то совесть - Вы же её имеете в виду? - смиряется перед грандиозностью будущего успеха.

АЛЕКСАНДР. Я понял Вас, месье Талеиран. Но есть и другой принцип – цель ничто, движение всё. И от того, как мы движемся, зависит, куда мы придём.

ТАЛЕЙРАН. И куда же мы придём, если цель не определена?

АЛЕКСАНДР. К Богу. Все пути ведут к Нему.

ТАЛЕЙРАН. Я не верю в Бога, я верю в свой ум и в здравый смысл. Тем более что меня отлучили от церкви.

АЛЕКСАНДР. Господин Талеиран, вот Вы только что умерли, я давно умер, а мы тут беседуем. Вашему здравому смыслу это не кажется странным?

ТАЛЕЙРАН. Отнюдь. Я думаю, что наша встреча, это плод работы моего мозга в посмертном состоянии. Но к чему нам углубляться в такие дебри. Давайте продолжать. Вы должны ещё ответить на мой вопрос. Кстати, что это за место?

АЛЕКСАНДР. Спросите у Вашего мозга.

ТАЛЕЙРАН. Поймали. Действительно, есть что-то странное во всём этом...

АЛЕКСАНДР. Странного ничего нет. Это просто место, вне времени и протяжённости.

ТАЛЕЙРАН. Мне невозможно это понять. Я всегда был слабоват в философии.

АЛЕКСАНДР. Нет никакой философии. Тут вообще ничего нет... кроме совести.

ТАЛЕЙРАН. Ага, значит это место Вашей совести. Темно-то как. М-мда. Александр Палыч, а я перед смертью всё-таки с церковью примирился и даже получил от Папы отпущение грехов. Хе-хе...

АЛЕКСАНДР. К чему Вам отпущение грехов, если Вы в Бога не верите?

ТАЛЕЙРАН. Мало ли что... никогда не мешает подстраховаться (*неумело крестится*).

Н-ну-с... Моя очередь спрашивать. Вы готовы отвечать, Александр Павлович?

АЛЕКСАНДР. (*неуверенно*) Да.

Талеиран, воодушевляясь, потирает руки.

ТАЛЕЙРАН. Александр Павлович, в ТОТ день, когда Вашего батюшку... так сказать... Вы знали что он будет убит?

Александр застывает с непроницаемым лицом. Талейран, напевая (старинную французскую песню про птичку), осматривается, вытягивает руку в глубину сцены, в стороны и снова из черноты появляются трон судьбы, кафедра прокурора и скамья обвиняемого. Талейран удовлетворённо потирает руки.

ТАЛЕЙРАН. Что ж, форма соблюдена. Приступим к содержанию. Прошу Вас, Ваше Величество... Не передумали?

Александр обречённо садится на скамью обвиняемых.

АЛЕКСАНДР. Я готов. Хотя и не предполагал, что Вы устроите настоящее судилище.
ТАЛЕЙРАН. (*тихо*) Александр предполагает, а Талейран располагает. Хе-Хе! (*громко*) Это не я, это Ваша совесть. Вы же сами этого хотели?

Талейран занимает место прокурора.

ТАЛЕЙРАН. Прокурором я ещё не был. Но раз уж это так необходимо... и только из уважения к Вам. Итак, приступим. Скажите, Александр Павлович, Вам было известно о заговоре против Вашего отца?

АЛЕКСАНДР. Нет! То есть да... Я понимал теоретическую возможность такого. Но официально мне об этом не докладывали.

ТАЛЕЙРАН. Однако, в ночь убийства Вы и Ваша царственная супруга не ложились спать и были одеты как подобает случаю. Вы подтверждаете это?

АЛЕКСАНДР. (*тихо*) Откуда это Вам известно?... Д-да.

ТАЛЕЙРАН. Простите старика, не расслышал. Подтверждаете ли Вы, что в ночь убийства...?

АЛЕКСАНДР. Да, подтверждаю!

ТАЛЕЙРАН. Отлично. Вы также были знакомы лично с главными заговорщиками.

АЛЕКСАНДР. Да.

ТАЛЕЙРАН. Громче, пожалуйста.

АЛЕКСАНДР. Гхм-м... Был знаком.

ТАЛЕЙРАН. И они обсуждали с Вами перспективы правления императора и самодержца Всероссийского Павла I, возможную войну с Англией, будущий русско-французский поход в Индию?

АЛЕКСАНДР. Обсуждали.

ТАЛЕЙРАН. Вы слышали о видах вашего батюшки на развод с Вашей матушкой, ссылку её в Холмогоры, возможное заточение в Шлиссельбург Вас, а Вашего брата Константина в Петропавловскую крепость?

АЛЕКСАНДР. В Петербурге, видимо, так громко шепчутся, что эхо отдаётся в Париже.

ТАЛЕЙРАН. И не только там. Так слышали Вы или нет?

АЛЕКСАНДР. Слышал, но это всего лишь сплетни.

ТАЛЕЙРАН. Положим, что так. И Вы оставались равнодушны к такого рода высказываниям?

АЛЕКСАНДР. Н-Нет... Но я не верил, что отец способен на такое. Его поносили как безумца, но я...

ТАЛЕЙРАН. Но Вы не верили в его безумие?

АЛЕКСАНДР. Конечно же нет. Я видел, что вокруг него смыкается круг. Его политика раздражала слишком многих. Он был в постоянной тревоге, словно готовил что-то, но

что - не знал никто. Мой отец был непредсказуем.

ТАЛЕЙРАН. Другими словами, Вы боялись, скорее, его непредсказуемости чем его самого?

АЛЕКСАНДР. Можно и так сказать.

ТАЛЕЙРАН. Можно ли также сказать, что Ваши знакомые заговорщики боялись того же?

АЛЕКСАНДР. Вероятно.

ТАЛЕЙРАН. Вероятно ли также, что для заговорщиков речь шла о том, кто кого опередит?

АЛЕКСАНДР. Возможно.

ТАЛЕЙРАН. Я осмелюсь предположить, что они торопились. И Вы не могли не знать об этом.

АЛЕКСАНДР. Да, но... я просил отсрочки.

ТАЛЕЙРАН. Почему?

АЛЕКСАНДР. Н... не знаю.

ТАЛЕЙРАН. Вы любили своего отца?

АЛЕКСАНДР. Мне ваш вопрос непонятен.

ТАЛЕЙРАН. Испытывали Вы сыновние чувства к Павлу Петровичу? Могли запросто говорить с ним, гулять, смеяться?

АЛЕКСАНДР. (*Пауза*) Я воспитывался у бабушки.

ТАЛЕЙРАН. Понимаю. Я тоже почти не знал своего отца и бабушка была единственным человеком в семье, кто меня любил. Я не настаиваю на ответе, но всё же...

АЛЕКСАНДР. Я старался выполнять свой сыновний долг.

ТАЛЕЙРАН. Конечно, конечно. А он Вас любил, как Вы думаете?

АЛЕКСАНДР. Мы появляемся на свет не для любви.

ТАЛЕЙРАН. Уточните, пожалуйста, Александр Павлович, кого Вы имеете в виду под словом МЫ?

АЛЕКСАНДР. Всех принцев крови.

ТАЛЕЙРАН. Как я с вами согласен. (*Поправляет осянку*) Или повелевать, или любить. Третьего не дано.

АЛЕКСАНДР. У меня был моральный долг перед отцом и я его выполнял.

ТАЛЕЙРАН. А потом Вас, принца крови, цесаревича, убедили, что у Вас есть ещё и моральный долг перед Родиной?

АЛЕКСАНДР. (*вскакивает*) Да, долг перед Родиной! Крепостное право, абсолютизм, произвол правления – всё это давно устарело!

ТАЛЕЙРАН. Да Вы либерал, Ваше Величество. И как успехи?

Александр молча садится.

ТАЛЕЙРАН. Мы отвлеклись от главного. Александр Павлович, ответьте, как бы Вы поступили на месте Вашего отца, если бы в результате обстоятельств временно непреодолимого характера были бы вынуждены подписать отречение от престола при условии сохранения жизни?

АЛЕКСАНДР. Если бы я был убеждён в правоте своего политического курса и ждал бы от наследника разрушения всего мною созданного, я бы на следующий же день нашёл способ аннулировать документ, арестовал бы всех заговорщиков и престолонаследника.

ТАЛЕЙРАН. Вы забыли про жену...

АЛЕКСАНДР. Отец был убеждён, что Мария Фёдоровна тоже питает надежды на престол. Он хорошо знал историю династии.

ТАЛЕЙРАН. Он был прав?

АЛЕКСАНДР. Мать никогда не забывала что она коронованная императрица. В ту роковую ночь наши отношения с нею разладились, она даже переехала в Павловский дворец.

ТАЛЕЙРАН. Ответ принят к сведению. Идём далее. Вы задавали себе когда-нибудь вопрос, Александр Павлович, зачем было нужно, чтобы Вы скорее заняли место своего отца? Ведь Ваш батюшка тоже проводил реформы. Облегчил бремя крепостных крестьян, реформировал армию, поприжал дворянство – всё это было в духе новых веяний времени, которые разделяли и Вы?

АЛЕКСАНДР. Я хотел идти быстрее и дальше.

ТАЛЕЙРАН. И каков итог?

АЛЕКСАНДР. ... Я думал об этом. Есть две причины моей неудачи. Первая заключается в том, что не на кого было опереться. У меня были единомышленники, вернее, я стал единомышленником моих друзей. Для воплощения наших реформ нужно было прежде всего вычистить административную систему, освободить место свежим силам, отстранить старую элиту от рычагов управления. Вы это должны понимать как никто другой, господин Талейран.

ТАЛЕЙРАН. О да! Я вас понимаю как никто.

АЛЕКСАНДР. Но как же я это сделаю, если я плоть от плоти её!

ТАЛЕЙРАН. Только при одном условии, если Вы предадите своё сословие.

АЛЕКСАНДР. Но я не предатель!

ТАЛЕЙРАН. А я вот, князь Талейран Перигор, герцог Беневентский, кавалер орденов Франции, Испании, Австрии, Дании, Баварии, Вестфалии, Саксонии, Пруссии, Персии, Обеих Сицилий и, между прочим, Российской империи, предал и ничего, дожил до глубокой старости. И ни о чём не жалею.

АЛЕКСАНДР. Вы не были русским царём.

ТАЛЕЙРАН. К счастью, нет. Какова же вторая причина?

АЛЕКСАНДР. Сам от себя не ожидал, но... Я оказался мелким человеком – не мог простить некоторым моим товарищам блеска ума большего, чем мой собственный. Они всегда должны были чувствовать наше неравенство.

ТАЛЕЙРАН. В больших делах важнее должно быть дело, а не личные амбиции.

АЛЕКСАНДР. Я понял это слишком поздно. Действия моих товарищей были свободны до тех пор, пока они делали, что хотел я.

ТАЛЕЙРАН. В таком случае, и заговорщики делали не более того, что хотели Вы сами?

АЛЕКСАНДР. Это не совсем так. Но в какой-то момент наши интересы совпали.

ТАЛЕЙРАН. И Вы одобрили низложение императора Павла I.

АЛЕКСАНДР. Меня вынудили это сделать, но я не знал что его убьют.

ТАЛЕЙРАН. Не знали, или не хотели знать?

АЛЕКСАНДР. *(Пауза)* Да.

ТАЛЕЙРАН. Простите, не могли бы Вы выразиться яснее?

АЛЕКСАНДР. *(с трудом)* Не хотел...

ТАЛЕЙРАН. Уточните, пожалуйста, что именно Вы не хотели?

АЛЕКСАНДР. Знать. Мгм. Не хотел знать.

ТАЛЕЙРАН. Что и требовалось доказать! Поздравляю Вас, Ваше Величество. Вам хватило духа признаться почти в отцеубийстве. Вы совсем не мелкий человек.

Александр тяжело поднимается со скамьи подсудимых, подходит к Талейрану и с чувством пожимает ему руку.

АЛЕКСАНДР. Признаться в преступлении порой страшнее чем совершить. Благодарю Вас. Мне стало легче.

ТАЛЕЙРАН. Пожалуйста, пожалуйста... А знаете, Александр Павлович, я так и думал.

У нас с Наполеоном однажды разгорелась целая дискуссия. Он был убеждённый сторонник Вашего благородства, но плоховато знал русскую историю. Я же по роду службы был гораздо лучше осведомлён, хе-хе... о традиции русского престолонаследия.
 АЛЕКСАНДР. Надеюсь, эта традиция на мне и закончилась.
 ТАЛЕЙРАН. Надейтесь, Ваше Величество.

Александр больше не «сфинкс», его лицо как-бы оттаяло и на нём читаются эмоции.

АЛЕКСАНДР. Но ведь мы все под Богом ходим...

ТАЛЕЙРАН. Ваше право, Александр Павлович, ходите где хотите. Желая Вам всех благ на Вашем пути. Ну, а мне нужно дальше. Так как Вы сказали, где тут выход?.. Ой! ... что это?! Что же это со мной... Господи! Да что же это?! Куда? Что со мной?

Талейран как-будто сопротивляется невидимой силе, тянущей его в глубь сцены. Александр бежит за ним, протягивая руку для прощального пожатия.

АЛЕКСАНДР. Благодарю Вас, друг мой! (*крестит Талейрана*) Может быть Вам это поможет!

ТАЛЕЙРАН. Матерь Божья, что со мной?!

АЛЕКСАНДР. Простите и прощайте!

ТАЛЕЙРАН. Проща-а-айте... (*исчезает*)

АЛЕКСАНДР. (*один*) предавать значит предвидеть... предавать значит предвидеть... Предвидеть...и предавать.

Александр плачет, в глубине сцены загорается слабый свет.

4

Входит Павел I в серой хламиде. Александр бросается перед ним на колени. Тот гладит Александра по голове.

АЛЕКСАНДР. Отец! Отец!! Простите меня!

ПАВЕЛ. Что ты, сынок, что ты! Разве ты виноват?

АЛЕКСАНДР. Как!? Я же предал Вас? Заговор!.. Я же знал!!

ПАВЕЛ. Знал, не знал – какое теперь это имеет значение? Встань-ка, я тебе колени отряхну. (*Наклоняется и отряхивает Александру пыль с колен*)

АЛЕКСАНДР. Что Вы делаете? Отец, что с Вами?

ПАВЕЛ. Я счастлив. Моя мечта исполнилась – чувствую себя настоящим заботливым отцом. В жизни-то не успел... Закрой рот, а то птичка влетит.

АЛЕКСАНДР. Н-но... я же... преступник...

ПАВЕЛ. Преступник, преступник... (*поправляет на Александре ещё что-то*) Какой ты у меня красавец!

АЛЕКСАНДР. Отец, после Вашей смерти я понял все ничтожество своё, тщеславие, а главное трусость. Трусость! Мучился очень, а потом сделал вид, что ничего не случилось, иначе жить невозможно. Хотел дела великие свершить, царём-благодетелем стать, чтоб не зря,.. чтоб надежды оправдать и самому оправдаться. Но чем дальше, тем глубже меня засасывало что-то, паралич как будто объял, поразил волю и чувства... Думал даже от престола отречься, сам себе был мерзок малодушием своим!

ПАВЕЛ. (*нежно обнимает*) Сынок! Ты у меня молодец!

АЛЕКСАНДР. Отец, вы меня слышите?!

ПАВЕЛ. Слышу. *(Нагибается и подбирает горсть пыли)* На вот тебе.

АЛЕКСАНДР. Что это?

ПАВЕЛ. Пепел. На голову посыпь.

АЛЕКСАНДР. Зачем?

ПАВЕЛ. Ты же в грехах каешься? Ну и сыпь. Дай я сам. *(Приподнимается на цыпочки и сыплет Александру пепел на голову, напевая детскую песенку.)* Полегчало?

АЛЕКСАНДР. Вы смеётесь надо мной?

ПАВЕЛ. Ну да. Ха-ха-ххаа!..

АЛЕКСАНДР. И что теперь?

ПАВЕЛ. Господи, горе ты моё, пойдём.

АЛЕКСАНДР. Куда?

ПАВЕЛ. Домой. Все тебя заждались. Бродишь тут в потёмках который год.

АЛЕКСАНДР. Кто ВСЕ, папа?

ПАВЕЛ. Мама, Костя, Сашенька, Катя с Леной да Ольгушка. Али не признаёшь?

Навстречу идут уже умершие родные: мать Мария Фёдоровна, брат Константин, сестры Александра: Елена, Екатерина, трёхлетняя Оля. Александр бросается навстречу, слышны голоса и смех, все уходят.

ЗАНАВЕС